

Остапенко Андрей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и юридических дисциплин, Российский новый университет, Таганрогский филиал, город Таганрог.

Электронный адрес: andrey-ostapenko2023@mail.ru

Andrey S. Ostapenko

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of humanities and legal disciplines, Taganrog branch of the Russian New University, Taganrog.

E-mail address: andrey-ostapenko2023@mail.ru

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОЦИУМ: ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СМЫСЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Рассматривается взаимодействие демократического государства и социума в изменяющемся мире, испытывающем институциональные, технологические и интеллектуальные трансформации, влияющие на все сферы жизнедеятельности людей, их образ жизни и мысли. Существующие модели демократии, прав человека, народовластия, самоуправления и т. д. представляют собой отражение последовательной смены их исторически обусловленных форм, возникновение и особенности которых связаны с конфигурациями публичной власти на том или ином историческом этапе. При этом дискуссионность основных концептов, описывающих характер взаимосвязей демократического государства и общества, формирует их противоречивое понимание, что влечет невозможность универсального пути развития демократических систем. Отдельно рассмотрены некоторые из проблем западной модели демократии, либеральные институты которой функционируют лишь при условии отсутствия системных кризисных явлений.

Ключевые слова: демократическое государство, социум, демократия, кризис ценностей, социальные трансформации, суверенитет, либерализм, глобализационные процессы.

Для цитирования: Остапенко А.С. Демократическое государство и социум: трансформации взаимодействия, смыслов и ценностей // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2025. № 1. С. 85–94. DOI: 10.18137/RNUV9276.25.01.P.085.

THE DEMOCRATIC STATE AND SOCIETY: TRANSFORMATIONS OF INTERACTION, MEANINGS AND VALUES

Abstract. The article examines interaction between democratic state and society in a changing world which experience institutional, technological and intellectual transformations affecting all spheres of human activity, their way of life and thoughts. The existing models of democracy, human rights, people power institutions, self-government, etc. are a reflection of the consistent change of their historically determined forms. The emergence and features of these forms are associated with the configurations of public authority at a particular historical stage. At the same time, the controversial nature of the basic concepts describing the nature of the interrelationships between democratic state and society forms their contradictory understanding, which entails the impossibility of a universal path of development of democratic systems. The article views some of the problems of the Western model of democracy and states that the liberal institutions of Western democracy function only in the absence of systemic crisis phenomena.

Keywords: democratic state, society, democracy, crisis of values, social transformations, sovereignty, liberalism, globalization processes.

For citation: Ostapenko A.S. (2025) The democratic state and society: Transformations of interaction, meanings and values. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 85–94. DOI: 10.18137/RNU.V9276.25.01.P.085 (In Russian).

Развитие современного понимания правового демократического государства связано с формированием гуманистического взгляда на природу человека, возникшего в эпоху европейского Просвещения, объединившего наследие античности и ценностей средневекового мировоззрения. Конечно, античное воплощение демократических идей было далеко от современного, но именно наследие античности легло в основу концепций политической философии Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и др.), ярко продемонстрировавших отказ от догматизма, когда договорной взгляд на природу государства стал прямым антиподом предустановленного религиозно-догматического его понимания. Образовался целый ряд государственных наук, предметом которых стало рассмотрение государства, форм его деятельности и функций как в общих их основаниях, так и в отдельных частях. Несмотря на это, многие вопросы, касающиеся государственности, смыслов и назначения существования государства, остаются неустановившимися в науке и до настоящего времени.

Дискуссионность основных концептов, описывающих характер взаимосвязей демократического государства и социума, формирует их противоречивое понимание, что влечет невозможность универсального пути развития демократических систем. Такие категории, как права человека, демократия, самоуправление, народовластие, гра-

жданское общество и проч., наполняются различным содержанием, особенно в парадигме постмодерна. С точки зрения С.Н. Бабурина, это проявляется, помимо всего прочего, также в том, что «если политическим ценностям еще можно придать универсальный общечеловеческий смысл, то они обречены на дисбаланс с ценностями социальными и нравственными, всегда складывающимися под влиянием культурно-исторического пути развития каждого общества» [1, с. 76]. Таким образом, политико-правовая история государства и его институтов требует постоянного возвращения к вопросу об обществе, без уяснения которого государственно-правовые явления и процессы могут быть описаны лишь в абстрактных терминах и свойствах политического бытия.

Если бы это было не так, государственный строй, как и право, потеряли бы динамизм и актуальность, находясь одновременно в зачаточной и завершенной форме. Например, в соответствии с учением Аврелия Августина о двух градах – Земном и Небесном – роль государства заключается в передаче публичной власти церкви, и, следовательно, установление правопорядка и регламентация общественных отношений являются ее прерогативой, то есть божьим промыслом. Богослов Иоанн Златоуст выразил этот догмат так: «Должно возносить великую благодарность Богу и за то, что есть цари, и за то, что есть судии»¹. Христианское учение сводит пуб-

¹ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб. : Изд. Духовной Академии, 1899. Т. 5, Кн. 1-2, Беседы на Псалмы. Беседа 58 на псалом 148 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Ps.148:11&utfcs~r> (дата обращения: 06.11.2024).

Демократическое государство и социум:
трансформации взаимодействия, смыслов и ценностей

личный порядок, устанавливаемый государством, к простому послушанию и вере в Бога, на основе чего формируется и общественная организация. Следовательно, если бы политика государства осуществлялась в соответствии с христианскими заповедями, то оно застыло бы на уровне первых христианских общин, но уровень развития современных государств в условиях расширения демократии и цифровизации общественных отношений показывает невозможность построения «Земного града» на основе религиозного вероучения.

Политико-правовое развитие правового государства в России базируется на принципе совершенствования всех демократических институтов публичной власти, стремящихся к достижению законности и порядка для обеспечения жизнедеятельности населения и защиты суверенитета народа и государства. Данное концептуальное и практическое положение выступает неотъемлемым атрибутом подлинного конституционализма как идеологии подчиненности государства обществу, верховенства прав и свобод граждан в системе правовых и социальных ориентиров. «Другими словами, – указывает С.А. Денисов, – эта мысль выражается через категории «социократия», «суверенитет народа», господство гражданского общества над государством» [2, с. 118], что отражает многомерность социального бытия и поливариантность источников формирования общественно значимых решений. Диады «социум – государство», «человек – власть», «гражданин – должностное лицо» становятся более сложными, вариативными, включающими уровни и подуровни; они более не сводятся только к противопоставлению «верха и низа», «приказа и подчинения».

В рамках подобной модели политико-правового устройства суверенитет народа

не только воплощается на государственном уровне, но и активно проявлен посредством форм народовластия и институтов гражданского общества, эффективность деятельности которых может способствовать достижению сплоченности общества и публичной власти, особенно в кризисные и переходные периоды. Само их наличие базируется на самоуправлении как автономном факторе общественного развития, в основе которого лежат этические, культурные, национальные, политические и другие ценности и интересы. При этом полное самоуправление не является целью эволюции общественной организации, так как в подобном случае между самоуправлением и анархией невозможно провести разграничительную черту. Самоуправление в демократическом социуме скорее может быть рассмотрено в контексте соотношения государственного управления и народного суверенитета, что выражается в правовой регламентации самоуправленческих структур и осуществляемом уровне административного контроля. Следовательно, можно предположить, что задача научных изысканий в данной области заключается в нахождении баланса самоуправленческих и властных начал, социальных ценностей и позитивного права с тем, чтобы они не исключали, а дополняли друг друга.

Современный человек, государство и право существуют в условиях перманентных изменений социального пространства, «иммерсивной конвергенции» как объединения физического, биологического и цифрового мира, что обусловлено свершившимися научными революциями и происходящими социальными трансформациями. Государство как социальный субъект активно сосредотачивается на устойчивом и эффективном развитии, инновационных и прорывных проектах, космической и иной высокотехнологичной

деятельности, регламентации цифрового пространства и цифровых правоотношений и проч. Взаимоотношения человека и публичной власти эволюционируют, становясь адаптивными, соответствующими постиндустриальной стадии развития общества, включающей цифровую среду как часть жизненной сферы человека, существующего одновременно во многих социальных мирах. Государство создает и использует цифровые средства коммуникации, формируя цифровые аналоги общественных отношений, выступая в роли производителя социальных и государственных услуг, тогда как граждане – в качестве их заказчиков и потребителей. В связи с этим формируются различные концепции сервисного, цифрового, космического [3–5] и т. д. государства будущего.

Информационные революции конца XX – начала XXI вв. (ЭВМ – персональный компьютер – Интернет – мобильный Интернет – виртуальное пространство – искусственный интеллект и т. д.) преобразовали человеческую жизнь. Будучи нематериальным ресурсом, информация приобрела статус товара, продукта повседневного спроса и потребления, оказывающего влияние на все стороны общественных отношений. Вслед за этим последовало и «изменение мерности правовой реальности и бытия человека, а следовательно, и всех общественных отношений под воздействием цифровизации жизни и возникающего все более независимого от человека виртуального пространства» [6, с. 88–133], как отмечают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор. Интеллект, знания, информационные потоки и технологии стали глобальными социальными активами, используемыми как индивидом, так и государством. При этом технологии и технологический прогресс в целом необходимо воспринимать не столько в материальном

аспекте, сколько в качестве причины изменения всех сфер жизнедеятельности людей и их представлений о мире.

Существует точка зрения, согласно которой глобальность модернизационных процессов современной цивилизации означает универсализацию человеческих ценностей, детерминирующих социальные трансформации общества [7, с. 38; 8], что ведет к переосмыслению параметров социального пространства, испытывающего институциональные, технологические и интеллектуальные изменения. Поступательная идея общественного прогресса исходит из оптимистического варианта социально-исторического развития, предполагающего преобразование человека как социокультурного интеллектуального существа, расширение его прав и возможностей в качестве цели эволюции общества, государства и права, ведущей к достижению благ материального, духовного, информационного и иного характера. В то же время стабильность необязательно должна быть связана с глобализацией, транзитом и унификацией демократий, поскольку утверждение либеральных трактовок демократии как ценности в мировом масштабе приемлемо лишь для стран Запада, но и там либеральные институты функционируют лишь при условии отсутствия системных кризисных явлений. Поэтому необходим учет рискованного потенциала глобализационных процессов, до последнего времени шедших по униполярному сценарию, в то время как созидание многополярного мира способно привести к многовекторной модели развития цивилизации и, как следствие, к мировому геополитическому балансу.

В политической истории существует множество синергетических точек бифуркации, из которых развивались новые политико-правовые концепции как направления

Демократическое государство и социум:
трансформации взаимодействия, смыслов и ценностей

социально-политических, технологических, информационных и других революций, генерирующих новые цивилизационные формы и способы бытия человека. Существующие модели демократии, прав человека, народовластия, самоуправления и т. д. представляют собой отражение последовательной смены их исторически обусловленных форм, возникновение и особенности которых связаны с характером публичной власти и конфигурациями ее институтов на том или ином историческом этапе. Став предметом анализа мыслителей Нового времени в процессе рождения буржуазного государства, они повлекли за собой необходимость модернизации государства и права. Правовой порядок стал рассматриваться в качестве наилучшей возможности для реализации личной свободы, которая может существовать наряду с аналогичными свободами других людей (И. Кант). Однако в процессе либерализации этот нравственный императив был забыт.

Западная модель демократии всегда следовала логике развития частнособственнического интереса, исходя из предпосылки эгоистического поведения, достижения желаемых материальных и общественных благ любой ценой. «Верховная власть достается тому, у кого есть деньги, – пишет Ч. Линдблом, – этот инструмент влияния значительно проще контролировать, чем оружие в руках рядового полицейского или солдата. Деньги в политике не только говорят; они шепчут, как заговорщики, или, напротив, кричат столь громко, что заглушают все прочие голоса» [9, с. 94]. В результате фокус принятия политических решений был смещен в кулуары, место институционализированного массива акторов политических процессов заняли многочисленные лобби, действующие в интересах элит, обладающих организационными и финансовыми ресурсами.

Произошла деформализация официального политико-правового пространства, а человек, способный критически мыслить, был вытеснен из социального поля и растворился в постиндустриальном обществе всеобщего потребления. Приоритет узконаправленных интересов меньшинств, элит, неформальных групп, бизнеса и т. д. поставил развитие либерального государства в условия разобщенности и кризиса ценностей, несоответствия новаций и традиций при социальной апатии и безразличии человека, ориентированного на господство идеологии удовольствий и потребительства.

Общественные отношения и порождаемые ими социальные процессы и противоречия существуют в условиях стабильности и нестабильности как состояний динамики публичного пространства. По мнению ряда исследователей, одной из тенденций современности выступает «исчезновение различных форм неподвижной территориальной организации, появление ее новых форм, вследствие чего не только отдельные государства, но и крупные мегаполисы («мировые города») становятся ключевыми участниками глобализационных процессов» [10, с. 201; 11, р. 73]. При подобном подходе теряет значение централизация власти, государства утрачивают «прежнюю политическую монополию в качестве особого “места”, конституционно установленной территории... передают часть своих полномочий “вниз” на уровень регионов, коммун и муниципальных образований и “наверх” на уровень международных режимов, а также “вовне” – в систему рынка и гражданского общества» [10, с. 201–202]. Схожих позиций придерживается Ж. Аттали. В своей работе «Краткая история будущего» он прогнозирует высокую вероятность деструкции института государства и его замены частными кор-

порациями на фоне антропологического кризиса и умаления значения устоявшихся социальных ценностей [12, с. 181–195], в частности семейных, что не может не вызывать опасений. В то же время траектории глобального развития человеческой цивилизации не имеют predetermined векторов (направлений) эволюции социальных и политических форм, а происходят нелинейно, притом что стабильность олицетворяет эволюционный, а нестабильность – революционный путь развития общества.

Конфликтная область между традицией и новацией в данных процессах может использовать посредничество политической власти, которая способна принять аксиологические архетипы и включить их (или часть из них) в законы в качестве правовых. Как указывает А.А. Гусейнов, отношение к ценностным ориентациям, и прежде всего к моральным, «противостояние абсолютизма и натурализма (в широком смысле, включая историко-социологические теории морали), кантианства и антикантианства ... в настоящее время приобретает дополнительную остроту в связи с новым этапом обществцивилизационного развития, который обозначается термином “глобализация”» [13, с. 4].

Процессы глобализации, значительно ускорившие свой темп за последние десятилетия XX века, к началу XXI столетия изменили мировой политической, экономической и социально-культурный ландшафт. Трансформация человеческой цивилизации привела к становлению нового как в мышлении, так и в способах бытия «классических» общественных отношений – межличностных, между человеком и социальной группой, личностью и государством. При этом возникшие или навязанные социально-правовые практики и модели могут противоречить сложив-

шемуся социальному опыту, но именно он выступает как традиционный для того или иного общества и не может быть отменен одновременно.

Весьма наглядной по этому поводу является концепция «похищения истории», предложенная британским историком и антропологом Дж. Гуди [14]. Согласно мысли ученого, Запад в лице колониальных держав забрал все накопленное цивилизациями Востока и Юга. Всеобъемлющее похищение затронуло не только науки и искусства, хозяйственные связи и отношения, социальные институты и ценности с последующей их заменой на одномерные западные эквиваленты, но и пространств и времен не-западных обществ и культур. Поэтому неудивительно, что все чаще на повестку дня ставятся вопросы самоидентификации человека, импликации базовых этических, национальных, культурных принципов в параметры правового регулирования, которые посредством политических установлений реализуются в социальных отношениях. Это находит выражение в поддержке традиционных ценностей, сохранении национальных и культурных традиций, исторической памяти народа, составляющей его культурный код, воспитании патриотизма и гражданственности и т. д. В совокупности этим обеспечивается единство суверенитета народа и государства.

Достижение абсолютной свободы в рамках идеологий либерализма и неолиберализма делает человека несвободным в реально существующем социальном мире, где действуют нормы и правила, ценности, направления приложения производительных и творческих сил. По данной причине относительная самодостаточность либеральной политической и капиталистической систем, основанных на праволиберальном принципе обогащения индивида

Демократическое государство и социум:
трансформации взаимодействия, смыслов и ценностей

любой ценой, обманчива, поскольку создает ложные иллюзии о его особенной и исключительной значимости. «Протекающий в настоящее время глобальный мировой кризис все чаще оценивается как кризис ценностей, связанных в первую очередь с такими фундаментальными понятиями, как демократия, либерализм, справедливость», – отмечают П.А. Карабущенко и Л.Я. Подвойский [15, с. 57]. Проект глобализации, предложенный Западом (вестернизация), утопичен по своей сути, он не способен предложить решения даже порождаемых им же культурных, социально-экономических, экологических и других проблем. «Американский проект глобализации (вестернизации) зашел в тупик и увяз в кризисе западных политических институтов. И в этом плане идет поиск нового содержания глобалистского процесса. Представляется, что такими новыми очагами глобализма могут стать Китай, Россия, Индия...» [15, с. 57]. Очевидно, что именно защита суверенитета, равное и конструктивное представительство государств в международных отношениях и организациях, основанное на неукоснительном соблюдении и уважении норм международного права, является залогом их успешного развития. Международный порядок же, основанный на «правилах», двойных стандартах и всяческих исключениях, порочен, поскольку выхолащивает и деформирует сам себя.

Общество и государство не являются закрытыми, изолированными системами, социальные изменения присущи не только периодам кризисов или реформ, но и статике общественных отношений. При этом стабильность общественного и политического развития характерна для обществ с высоким экономическим потенциалом и политическими показателями «живой» демократии (доход на душу населения,

уровень производства и урбанизации, свободное волеизъявление, развитое правосознание, интеллектуальное участие и проч.). Гражданскому обществу здесь принадлежит роль объединяющего звена между публичной властью и личностью. Подобная политико-правовая модель мало приемлема в условиях системного кризиса либеральных режимов, не обладающих стабильной социально-экономической, политической, расовой, гендерной и профессиональной ситуацией, а ориентированных на политическое манипулирование массами в преддверие политических циклов. Провозглашая торжество свободы, рыночных отношений и равных возможностей для всех, они не обеспечивают в полном объеме интересы человека в связи с социальным расслоением, безработицей и иными экономическими факторами. Как указывают А.А. Хмелинин и О.Ф. Русакова, «политическая практика неолиберализма приводит к усилению влияния государственных корпораций в экономике и других сферах жизни общества. В итоге декларируемые свободы оказываются реальными только для одних групп населения, тесно связанных с государственными структурами, а в отношении других осуществляется курс на их сворачивание» [16, с. 44]. В итоге конфликтность западных либеральных моделей выливается во власть сверхбогатых и власть имущих слоев, получающих выгоды для бизнеса и перекладывающих расходы на широкие слои населения.

Идеи, лежащие в основе определенных идеологий, отражают социальное бытие человека в рамках объективной реальности и в конечном счете ею же и обусловлены. Идеино-ценностной основой западной цивилизации являлось право как некий стандарт, к которому должно стремиться все человечество. В то же время существую-

щие политические институты и ценности, которыми они обусловлены, либо обнаруживают способность адаптироваться к новым ситуациям, порождаемым происходящими социальными трансформациями, либо происходит их деградация. В истории любого государства возникают ситуации, когда власть попадает в положение, связанное с невозможностью только властного принятия субъективного решения. Трансформация сущности государства и диалектика его взаимоотношений с обществом сохраняются даже в условиях изменения историко-правовых смыслов. Преодоление разобщенности государства и общества в этом случае может представлять значительный ресурс для целенаправленности государственной власти, сделать ее работу более эффективной.

В центре построения любого цивилизованного общества находится человек, который является свободной личностью, наделенной возможностями для реализации своих интересов в социальном пространстве, что проявляется в обладании

правами и свободами, а также в наличии сфер приложения социальной активности. При отсутствии развитого гражданского общества и правосознания, ценностных ориентиров и традиционных культурных архетипов происходит потеря смыслов и эрозия культурного фундамента нации и человека. В такую ситуацию могло попасть и современное российское государство, когда в результате цикла непродуманных либеральных реформ постсоветской модернизации отношений между гражданином и государством сложилось мнение, что их цели в исторической перспективе достигнуты, а основной полученный продукт – правовое социальное государство – является главным их достижением. Постепенно, однако, происходит переход от теории к практике, выступающей критерием истины по вопросу взаимодействия социума и публичной власти, в результате чего формируется планомерное эволюционное изменение государственно-правового процесса, соответствующее вызовам XXI века.

Литература

1. *Бабурин С.Н.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного мира // Государство и право. 2021. № 6. С. 73–86. EDN ERRBWZ. DOI: 10.31857/S102694520015033-7
2. *Денисов С.А.* Конституционализм как правовая идеология и отступления от нее // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 118–128. EDN DIGQYJ.
3. *Воробьев С.М., Мельникова О.В., Ивлиев П.В.* Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1. С. 8–18. EDN NTAYWV. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.001
4. *Золаев Э.А.* Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1583–1594. EDN AVKZLN. DOI: 10.18334/ce.15.5.112164
5. *Ударцев С.Ф.* Космическое государство: начало новой эпохи в эволюции государственности // Государство и право. 2021. № 8. С. 21–34. EDN UKNUQS. DOI: 10.31857/S102694520016441-6
6. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М. : ИНФРА-М, 2020. 176 с. ISBN 978-5-16-016361-1 EDN FUPCYV. DOI: 10.12737/1112960

Демократическое государство и социум:
трансформации взаимодействия, смыслов и ценностей

7. *Вохмянин Д.В.* Универсализация в конституционном праве. Авторская программа. Пермь : СПБ ИВЭСЭП, 2014. 95 с. ISBN 978-5-905906-34-3.
8. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М. : Проспект, 2020. 448 с. ISBN 978-5-392-31211-5 EDN VPASJZ.
9. *Линдблом Ч.* Политика и рынки: политико-экономические системы мира / Пер. с англ. А.И. Петренко и др. М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2005. 446 с. ISBN 5-902677-03-3.
10. *Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В.* Глобальный публичный порядок и его изменения // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 199–213. EDN VJBBHG. DOI: 10.17223/1998863X/59/19
11. *Brenner N.* Globalisierung und Reterritorialisierung // Kraemer R. (Ed) Grenzen in den internationalen Beziehungen. Potsdam : WeltTrends, 2009. (Welt Trends Lehrtexte 14). Pp. 72–100. ISBN 978-3-941880-04-7.
12. *Аттали Ж.* Краткая история будущего: Мир в ближайшие 50 лет / Пер. с фр. Е. Пантелеева. СПб. : Питер, 2014. 288 с. ISBN 978-5-496-00750-4.
13. *Гусейнов А.А.* Об идее абсолютной морали // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 3–12. EDN ONYJQN.
14. *Гуди Дж.* Похищение истории / Пер. с англ. О.В. Когтевой М. : Весь мир, 2015. 432 с. ISBN 978-5-7777-0657-7.
15. *Карабущенко П.А., Подвойский Л.Я.* Глобальный мир эпохи «воюющих демократий» // Век глобализации. 2023. № 4. С. 55–66. EDN BXRXXB. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.04
16. *Хмелинин А.А., Русакова О.Ф.* Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. 2014. № 2. С. 41–48. EDN SEUNPJ.

References

1. Baburin S.N. (2021) Preventing the euthanasia of humanity: morality and integration constitutionalism as the basis for the transformation of modern law. *State and Law*. No. 6. Pp. 73–86. DOI: 10.31857/S102694520015033-7 (In Russian).
2. Denisov S.A. (2021) Constitutionalism as a legal ideology and deviations from it. *Bulletin of Liberal Arts University*. No. 1. Pp. 118–128. (In Russian).
3. Vorob'ev S.M., Mel'nikova O.V., Ivliev P.V. (2022) Digital transformation of the modern russian state: Current issues of statutory regulation. *Penitentiary science*. Vol. 16. No. 1. Pp. 8–18. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.001 (In Russian).
4. Zolaev E.A. (2021) Digital state as a new stage of society development. *Creative Economy*. Vol. 15. No. 5. Pp. 1583–1594. DOI: 10.18334/se.15.5.112164 (In Russian).
5. Udartsev S.F. (2021) Space state: The beginning of new era in the evolution of statehood. *State and Law*. No. 8. Pp. 21–34. DOI: 10.31857/S102694520016441-6 (In Russian).
6. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2020) *Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i yuridicheskaya nauka* [The future of law. The legacy of academician V.S. Stepin and legal science]. Moscow : INFRA-M Publ. 176 p. ISBN 978-5-16-016361-1. DOI: 10.12737/1112960 (In Russian).
7. Vokhmyanin D.V. (2014) *Universalizatsiya v konstitutsionnom prave. Avtorskaya programma* [Universalization in constitutional law. Author's program]. Perm': Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law Publ. 95 p. ISBN 978-5-905906-34-3. (In Russian).

8. Savenkov A.N. (2020) *Gosudarstvo i pravo v period krizisa sovremennoi tsvivilizatsii* [The state and law at the stage of crisis of modern civilization]. Moscow : Prospekt Publ. 448 p. ISBN 978-5-392-31211-5. (In Russian).
9. Lindblom Ch.E. (1977) *Politics and markets*. New York : Basic books. 403 p. (Russian edition: transl. by A.A. Petrenko, et al. Moscow : Institute for Integrated Strategic Research Publ. 446 p.).
10. Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreev A.V. (2021) Global public order and its changes. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 59. Pp. 199–213. DOI: 10.17223/1998863Kh/59/19 (In Russian).
11. Brenner N. (2009) Globalisierung und Reterritorialisierung. In: Kraemer R. (Hrsg.). *Grenzen in den internationalen Beziehungen*. Potsdam : WeltTrends. Pp. 72–100. ISBN 978-3-941880-04-7.
12. Attali J. (2009) *Une brève histoire de L'avenir*. Fayard. 432 p. ISBN 2213658099. (Russian edition: transl. by E. Panteleev, St. Peterburg : Piter Publ., 2014. 288 p.).
13. Guseinov A.A. (2003) Moral philosophy in context of culture plurality (Materials of conference). *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues]. No. 3. Pp. 3–12. (In Russian).
14. Goody J. (2007) *The Theft of history*. Cambridge University Press. ISBN 1139461184. (Russian edition: transl. by O.V. Kogteva, Moscow : Ves' mir Publ., 2015. 432 p.).
15. Karabushchenko P.L., Podvoiskii L.Ya. (2023) The global world of the “fighting democracies” era. *Vek globalizatsii* [Age of globalization]. No. 4. Pp. 55–66. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.04 (In Russian).
16. Khmelinin A.A., Rusakova O.F. (2014) Problem of critical analysis of neoliberalism in modern political philosophy. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 2. Pp. 41–48. (In Russian).

Поступила в редакцию: 13.11.2024

Поступила после рецензирования: 06.12.2024

Принята к публикации: 16.12.2024

Received: 13.11.2024

Revised: 06.12.2024

Accepted: 16.12.2024